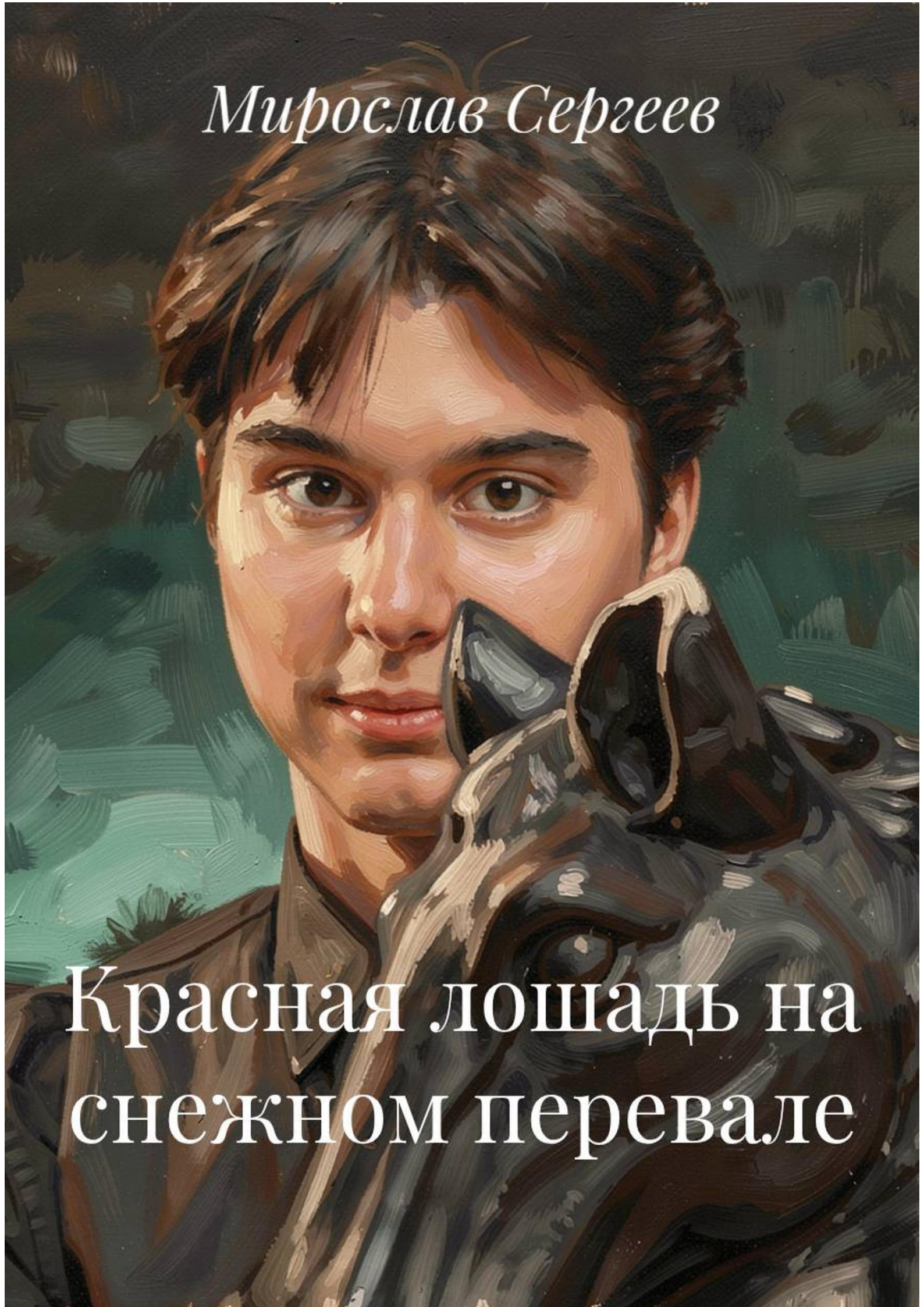

An oil painting of a young man with dark, wavy hair and light brown eyes. He is looking directly at the viewer with a slight smile. He is wearing a dark, textured jacket with a high collar. The background is a mix of dark and light greenish-blue brushstrokes.

Мирослав Сергеев

Красная лошадь на
снежном перевале

Мирослав Сергеев

**Красная лошадь на
снежном перевале**

«Автор»

2026

Сергеев М. А.

Красная лошадь на снежном перевале / М. А. Сергеев —
«Автор», 2026

Что видит человек, если мир для него — обман цвета, а тени прочнее реальности? Зачем музыканту бежать из дома, где тишина отточена до звона, — в январе, на север, пока не кончится дорога? Они не ищут приключений. Они едут за звуком, который не впишешь в ноты. Но лес встречает глухотой: здесь музыка — бесполезный узор, убийство — забава, легенды — лишь трофеи. И всё же в заметённых чащах бродит та, кого нельзя приручить, застрелить, объяснить — Красная Лошадь. Но когда выстрелы глохнут в снегу, а алый след тянется между сосен, вопрос один: можно ли спасти то, что уже уходит? И если мир разучился слышать — хватит ли скрипки, слезы и жеребёнка, чтобы доказать обратное? Эта повесть — о том, как идти в тумане, когда за спиной холод, а впереди — ни огня. О том, что самый важный звук — тишина после последней ноты. И что даже не изменив всё, можно сохранить одно дыхание. Впустите историю — и ответьте: что вы услышите, когда замолкнут слова?

© Сергеев М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Красная лошадь на снежном перевале

*Посвящаю искусству, которое сможет
отстоять себя в эпоху
искусственного интеллекта,
капитализма и злости...*

Сергеев Мирослав Андреевич

Часть первая

В этом обществе ему было не по себе – будто он говорил на одном языке, а мир отвечал на другом, грубом и примитивном. Собственный отточенный голос, руки, знавшие, как держать вилку в десятке ситуаций, но не умевшие пожать руку сверстнику без искусственности, – всё это вызывало в нём глухую, ноющую тоску. Его мир был сложен из нот и полутонов, из пауз и отзвуков, а не из грубого, простого смеха, не из прямолинейных жестов. Он видел всё иначе – не в красках, а в оттенках света, текстуры, вибрациях воздуха. Его дальтонизм был не чёрно-белым, а подвижным, обманчивым спектром: синее могло читаться как розоватое, красное – как зелёное, мир постоянно смещался, плыл, как акварель под дождём. Он научился жить с этим. Как с семейной чертой, как с тихим проклятием и даром одновременно.

Атмосфера в родительском доме была не холодной. Она была идеально отлаженной, тикающей, как дорогие швейцарские часы. Каждый звук – звон хрусталя, скрип паркета под шагами, шёпот радиоприёмника – был на своём месте, встроен в безупречную партитуру быта. И эта безупречность душила. Он задыхался в тишине, которая была громче любого крика, в чистоте, которая оставляла на всём налёт стерильной пустоты.

Поэтому, когда Римма позвонила утром первого января – голос её звучал хрипловато, будто она уже давно не спала, – и сказала: «Уезжаем. Сейчас. Я подъезжаю», – он не задал вопросов. Просто кивнул в трубку, словно она могла это увидеть, и взял футляр со скрипкой. Это было его единственное настоящее, его продолжение руки, его голос, когда слова отказывались приходить.

Её звали Римма – имя, звучавшее как далёкий, прекрасный город или сложный, минорный аккорд, который тянется и не хочет разрешаться. Она была его противоположностью и в то же время – отражением в кривом зеркале. Из того же круга, где манеры впитывались с молоком матери, где каждое движение оттачивалось до идеального, безжизненного глянца. Но там, где он сжимался, будто раковина, она раскрывалась – смело, почти вызывающе. Её аристократизм был не в серьёзности, а в безусловной, лёгкой свободе. Она умела шутить так, что даже грубость звучала изящно, могла надеть платье, достойное бала, и пойти в нём по снежной целине, и это выглядело не безумием, а естественным жестом.

Она приехала на «Rolls-Royce», машине дяди, чёрной. Арсений не разбирался в марках – для него это была угловатая, скульптурная форма, издававшая низкий, бархатный рокот, похожий на басовый гул органа. Он сел на холодное сиденье, положил футляр на колени, обхватил его руками. Скрежет щёток стеклоочистителей по сухому стеклу показался ему первым тактом странного, непонятного путешествия.

— Куда? – спросил он, глядя на её профиль – чёткий, с высоким лбом и упрямым подбородком.

— На север, – ответила она, плавно включая передачу. Машина дрогнула и поплыла вперёд. — Пока не кончится дорога, бензин или год. А может, и мы.

Голос её был твёрдым, уверенным, но в самом его тембре, где-то глубоко, дрогнула и тут же спряталась какая-то старая, зашифрованная нота – та, что звучит только для себя, в полной тишине, когда не надо никому ничего доказывать.

Город кончился внезапно, словно его обрезами ножницами. Остались поля. Бескрайние, плоские, укрытые снежным покрывалом, которое под косым солнцем горело миллиардами ослепительных, колючих звёзд. Свет был резким, безжалостным, выжигающим всё лишнее. Ветер гулял свободно, срывая с гребней сугробов снежную пыль и унося её длинными, танцующими шлейфами к тёмной, зубчатой стене леса на горизонте.

Потом начался лес. Сначала редкий, берёзовый. Стройные, почти прозрачные стволы стояли, как ноты на гигантском стане, а между ними – длинные, синие тени, ложившиеся на снег чёткими полосами. Воздух пахнул иначе: морозной горечью коры, сладковатым, призрачным запахом замёрзшего сока, свежестью, которая щипала ноздри.

Римма остановилась на опушке, заглушила мотор. Тишина, обрушившаяся на них, была оглушительной. Но не пустой – плотной, наполненной, осязаемой. В ней можно было различить тысячи звуков: тихий, похожий на хруст сахара, треск ветки под тяжестью снега где-то в глубине. Отдалённый, одинокий крик птицы – настолько чистый, что казалось, он прорезает воздух, как лезвие. Собственное дыхание, вырывающееся из груди густыми, клубящимися облачками. Арсений нагнулся, снял перчатку, потрогал снег. Он был не просто холодным. Он был структурным, живым – состоял из миллиардов крошечных, острых, идеальных кристаллов, каждый из которых ловил и дробил свет, превращая его в холодное, немое сияние.

— Они думают, музыка – это украшение, – сказал он, не поднимая головы, глядя на чёткие следы своих ботинок. Голос его звучал глухо, будто поглощался снегом. — Приложение к жизни. Фон для ужина. А это... – он медленно поднял руку, широким жестом включив в свою мысль лес, поле, низкое небо. — Это и есть главный голос. Единственный, который стоит слушать. А мы... мы только пытаемся его услышать. Уловить. Повторить. Замири – и услышишь целую симфонию. Снежинки звенят, падая. Земля подо льдом гудит басом, глубоким и древним. Деревья скрипят на ветру – это скрипки, а ветер в елях – это целый хор. Это вечное, бесконечное соло, а мы в нём – лишь случайный обертон. Мимоходом.

Он умолк. Тишина впитала его слова, не оставив эха.

К вечеру, когда свет начал густеть, синеть, они нашли придорожную забегаловку – сарай из рыжего кирпича с кривой вывеской «Удача». Внутри пахло пережаренным маслом, влажной, кислой ветошью и той особой, душной тоской, что скапливается в местах, где люди только проезжают, не задерживаясь. За стойкой стояла хозяйка Вера – женщина лет пятидесяти, с лицом, напоминающим смятый, пожелтевший бумажный пакет, и глазами, в которых давно погасло любое любопытство. Она фыркнула, увидев футляр в руках Арсения:

— Гастролёры? Артисты? Концерт тут не устроите. Не те места. Людям щи да котлеты подавай, а не ваши трели. От них сыт не будешь, только душу морочишь.

Её мир был исчерпывающе прост, понятен, как таблица умножения: выручка, закупка, налоги, долги. В нём не было места ничему, что нельзя было потрогать, съесть или положить в карман. Когда местный тракторист, толстый, краснолицый от постоянного ветра и выпивки Пётр, застенчиво, словно признаваясь в грехе, сказал, что в юности играл на баяне и даже ездил по сёлам, Вера лишь отмахнулась, вытирая стакан:

— И где тот баян теперь, Петрович? Продал, на водку пропил. Правильно сделал. От музыки живот не набьёшь, а мороз снаружи – не нотный.

Пётр сгорбился ещё больше, будто получил невидимый удар. Его глаза, на мгновение вспыхнувшие тусклым, но живым огоньком, тут же потухли, стали пустыми, как выгоревшие провалы. Он молча допил стакан, шумно вздохнул и вышел тяжёлой, шаркающей походкой, будто тащил на плечах невидимый груз.

На следующее утро его нашли в сугробе за сараем, недалеко от помойки. Замёрз. Сказали – перебрал, вышел и уснул. Но Арсений видел его уход вчера. Это была не походка пьяного. Это была походка человека, у которого отняли, растоптали последний мостик к самому себе, к тому мальчишке, что когда-то радостно растягивал меха баяна. Его смерть была негромкой, неяркой, как затухающий звук – одна нота, и тишина.

Вера, узнав новость, лишь пожала костлявыми плечами: «Сколько зимы, столько дураков. Каждый год кто-нибудь да найдётся». И продолжила вытирать стойку тем же грязным полотенцем. Её душа, казалось, давно и окончательно превратилась в кассовый аппарат старого образца – чёрствый, непробиваемый, не выдающий сдачу на сочувствие, жалость или память.

Они ехали дальше, углубляясь в чащу, оставляя позади этот островок чёрствого здравого смысла. Лес стал гуще, темнее, еловым. Могучие, мохнатые лапы, гружённые пушистым снегом, склонялись всё ниже, порой стукаясь о крышу «Rolls-Royce» глухим стуком, осыпая его серебристой, искрящейся пылью. Свет преломлялся иначе – он не падал сверху, а фильтровался сквозь хвою, становился приглушённым, таинственным, зелёно-золотым, как в старинном соборе с витражами. Воздух был неподвижным, насыщенным запахом смолы и вечной хвои.

Следующая остановка – деревня Заполятье, крошечная, затерянная, будто её случайно обронили и забыли подобрать. Пять покосившихся домов, трубы, из которых шёл ровный, ленивый дымок. Их приютил бывший лесник Степан – человек-медведь, широкий в кости, с руками, поросшими тёмной шерстью, и голосом, похожим на скрип векового кедра под напором ветра. Его дом, маленький, тёплый, был полон до потолка потрёпанными книгами в самодельных переплётках, которые пахли грибами, дымом и старыми страницами. Он читал стихи – Есенина, Рубцова, знал названия всех звёзд на зимнем небе и мог часами рассказывать о повадках зверей. Но когда зашёл разговор, и Арсений осторожно упомянул музыку, лицо Степана вдруг окаменело, стало непроницаемым, как скала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.